

Василюк Ф.Е.

**К проблеме единства
общепсихологической теории**

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. К проблеме единства общепсихологической теории [Текст] / Ф.Е. Василюк // Вопр. философии. – 1986. – № 10. – С. 76-86.

К проблеме единства общепсихологической теории

Ф. Е. ВАСИЛЮК (Крымская обл.)

1

Всякое исследование начинается с удивления. Более полувека тому назад Л. С. Выготский пришел к выводу, что преодоление кризиса в психологической науке прямо связано с созданием особой дисциплины — «о б щ е й п с и х о л о г и и» — теории «психологического материализма» [5; 33; 34]. Создана ли в советской психологии (а лишь она будет интересовать нас в этой статье) такая общая теория? Стоит задуматься над этим вопросом, чтобы с удовлетворением ответить, что подобная теория есть, но тут же с недоумением признать, что... существует не одна, а по меньшей мере три общие психологии — теория отношений (В. Н. Мясищева), теория установки (Д. Н. Узнадзе) и теория деятельности (А. Н. Леонтьева)¹.

Ситуация была бы понятна и естественна, если бы эти теории выросли на разных философско-методологических почвах, в разных социально-исторических условиях или если бы речь шла о раздельных областях действительности, над каждой из которых теоретически властвует отдельная концепция. Но и философские основания,

и социально-исторические условия у них одни и те же, и «территория», объявляемая «юрисдикцией» всех этих концепций,— это одна и та же «территория».

Нужно ли мириться с тем, что мы имеем не одну общую психологию, а несколько общих психологий? Речь ведь идет не о несущественных мелочах, а о главном — о предмете науки, о центральной категории, вокруг которой выстраивается вся научная система. Конечно, мы не отрицаем необходимости существования в науке различных школ и направлений. Но не утрачивает ли смысл само понятие общей психологии, более того — само понятие научной истины, если соглашаться с тем, что в Ленинграде может быть одна общая психология и, значит, как бы одна истина, в Москве — другая, а в Тбилиси — третья? Если исходить из того, что психологическая наука должна иметь только одну общую психологию, то наличная теоретическая множественность превращается в настоящую проблему.

Актуальность развернутой постановки этой проблемы определяется той глобальной исторической задачей, стоящей перед всей «новой» эпохой развития советской психологии, которая, по формулировке А. В. Петровского, заключается в формировании с и с т е м ы научных психологических знаний на основе марксистской философии [21, стр. 331 — 341]. Но какая же может быть система без единой общей психологии? Ведь одного единства на уровне философско-методологических принципов, единства уже в основном достигнутого [21; 25; 26; 29 и др.] явно недостаточно. Это философско-методологическое единство должно быть еще реализовано в конкретно-научных построениях, на предметно-теоретическом уровне².

¹ Почему названные теории приписаны именно этим авторам? Не они ведь были первооткрывателями психологических проблем отношения, установки и деятельности (достаточно вспомнить имена А. Ф. Лазурского, Л. Ланге, М. Я. Басова, С. Л. Рубинштейна). Да и что касается вклада в разработку этих проблем, то, например, заслуги С. Л. Рубинштейна в создании психологической теории деятельности не меньше, чем заслуги А. Н. Леонтьева. Дело в другом. В отличие от С. Л. Рубинштейна А. Н. Леонтьев использовал категорию деятельности как ядро, центр всей психологической науки, а психологическую теорию деятельности превратил в общую психологию, точно так же, как В. Н. Мясищев превратил в общую психологию теорию отношений, а Д. Н. Узнадзе — теорию установки.

² Стоит сразу же оговориться, что стремление к теоретическому единству, вытекающее из самой природы научного знания, отнюдь не совпадает со стремлением к объединению научных школ. Такое объединение

Предложить один из возможных подходов к этой реализации — главная цель настоящей статьи.

Итак, имеются: с одной стороны, три общие психологии, три центральные категории (отношение, установка, деятельность)³, с другой — необходимость достижения теоретического единства. Конечно, рассуждая формально, можно приступить к решению задачи, так сказать, с дизъюнкцией в руках: верна одна и только одна теория. Но вряд ли кто-либо возьмется оспаривать, что в каждой из этих теорий содержится несомненная психологическая правда. Значит, задача достижения единства должна решаться путем с и н т е з а этих концепций и их центральных категорий.

Однако само признание необходимости синтеза не предвещает того, будет ли одна из них взята за основу синтеза, а остальные включаться в нее как подчиненные, или все они будут использоваться на равных правах. Попытки пойти по первому пути⁴ кажутся нам недостаточно эф-

не имеет смысла, да и неосуществимо, ибо школа — своего рода социальный «организм», целостность которого конституируется не одной только идейной общностью, но и целым рядом социальных, организационных, социально-психологических, биографических и прочих факторов.

³ Именно эти категории выбраны для анализа не потому, что все другие (скажем, категория отражения) можно считать менее важными, а в силу эмпирического исторического факта, что каждая из них послужила центром отдельной общепсихологической теории и дала ей свое имя.

⁴ Такие ассимилятивные попытки (сам факт которых лишний раз свидетельствует о тенденции к единству) предпринимались теорией деятельности и теорией установки друг по отношению к другу [3; 31]. Основной прием состоит здесь в том, что центральная идея конкурирующей теории рассекается на две части — абстрактную и конкретную, затем первая из них отбрасывается, поскольку в ней отказываются видеть реальное психологическое содержание, и ассимилируется лишь вторая. За своей же центральной категорией, выступающей как главный объяснительный принцип, признается право выражать абстрактную и конкретную части идеи в их единстве. Так, из одной теории «выплескивается» идея первичной установки и оставляется лишь феномен фиксированной установки [3; 28], а из другой устраняется категория деятельности как объяснительный принцип психологии и берется лишь понятие «актуальной» («здесь и сейчас») деятельности» [31, стр. 24]. Словом, из концепции при такой процедуре извлекается ее, так сказать, методологическая «душа». И хотя для критикующей теории такая ассимиляция полезна в силу того, что она не осваивает полную суть критикуемой концепции, теоретическая победа оказы-

вается иллюзорной, по крайней мере с точки зрения обсуждаемой проблемы синтеза.

2

Сначала необходимо обосновать, почему именно и только теории установки, отношений и деятельности выбраны как синтезируемые объекты. Для этого в первую очередь нужно доказать, что каждая из них действительно является общей психологией.

Воспользуемся представлениями Л. С. Выготского [5] об общей психологии. Схематично их можно изложить следующим образом. Общая психология есть развивающееся научное образование, отвечающее объективной тенденции к единству научного знания. Тенденция к единству реализуется в двух взаимосвязанных тенденциях — к обобщению и к объяснению. Ядром общей психологии является центральная идея, которая включает в себя центральное (фундаментальное) понятие и главный объяснительный принцип. (Терминологически они могут выражаться одной категорией.) Можно выделить две основные фазы развития общей науки: в первой преобладает тенденция к обобщению, во второй — к объяснению.

На первой фазе развития общая дисциплина (точнее, пока лишь претендент на роль общей дисциплины) выделяет из всех предметов исследования психологии один как центральный, имеющий наибольшую познавательную ценность. Далее все остальные предметы последовательно подводятся под понятие центрального, так что к концу первой фазы оно приобретает еще и с т а т у с о б щ е г о понятия, фиксируя то общее, что есть во всех предметах данной сферы действительности. На протяжении всей первой фазы сохраняется непосредственный познавательный интерес к центральному предмету.

Во второй фазе развития общей науки центральный предмет постепенно заполняет собой всю онтологию и начинает пониматься как с у щ н о с т ь по отношению к другим предметам, рассматриваемым теперь как явления этой сущности. Соответственно этому в гносеологическом плане центральное, обобщающее понятие превращается в объяснительную категорию, или принцип. При этом значительно утрачивается

вается иллюзорной, по крайней мере с точки зрения обсуждаемой проблемы синтеза.

непосредственный познавательный интерес к нему и возбуждается интерес к другим, связанным с ним предметам и проблемам, которые начинают исследоваться и объясняться, исходя из этой категории. В результате происходит перестройка всей традиционной структуры науки вокруг нового категориального центра.

Соответствуют ли такому понятию общей психологии теории отношений, деятельности и установки? Для теорий деятельности и установки, которые сами объявляют себя «общепсихологическими» и которые не раз подвергались критике именно за попытку централизации психологического знания вокруг одной категории [18; 28; 32], это соответствие настолько очевидно, что в пределах данной статьи мы считаем возможным опустить его подробное доказательство. Наибольшие сомнения в этой связи может вызывать теория отношений, развивающаяся меньше в общетеоретическом плане, а больше в плане конкретных исследований. Поэтому ограничимся демонстрацией соответствия понятию общей психологии лишь этой теории.

Ее претензии на роль общей психологии видны даже до специального методологического анализа, они проявляются уже чисто стилистически: в трудах В. Н. Мясищева психология отношений прямо со- и противопоставляется с такими глобальными величинами, как «традиционная психология», «интроспективная психология», «функциональная психология», «структурная психология», и т. д. [19, стр. 82, 84, 209, 219].

На первых этапах развития теории понятие отношения связывается со всеми другими важнейшими психологическими понятиями, тем утверждаясь как *ц е н т р а л ь н о е* понятие (ибо только центр в отличие от периферии непосредственно связан со всем). Далее оно начинает выступать как общее родовое понятие, под которое подводится все — ощущение, потребность, стремление, любовь, боязнь, интерес и т. д. [19, стр. 110, 213]. Такое обобщение приводит к гносеологическому требованию рассматривать все психическое сквозь призму понятия отношения. «Все виды психической деятельности,— пишет В. Н. Мясищев,— в самом широком понимании можно рассматривать как известную формулу отношения» [19, стр. 146].

По мере развития концепции категория отношения, последовательно «поглощая» все другие понятия, заполняет собой всю онтологическую картину, превращаясь из центрального, но все же частного предмета психологических исследований в предмет психологии как науки: «Психологию... можно определить как науку о человеке в его отношениях к действительности» [19,

стр. 146]. Вследствие такого превращения отношение в онтологическом плане начинает выступать как единая с у щ н о с т ь , обнаруживающая себя не непосредственно, а через все другие психологические я в л е н и я . «Есть ли надобность говорить об отношениях,— спрашивает В. Н. Мясищев,— когда реально существуют лишь действия?» Да, утверждает он, поскольку «то, что называется способностями, психическими функциями, процессами, представляет собой объективно различные способы реализации отношения человека к действительности» [19, стр. 153]. Соответственно изменяется и гносеологический статус понятия отношения. Оно превращается в объяснительный принцип психологического познания, становится «принципом объективного исследования человека» [19, стр. 112]. И наконец, в методологической плоскости понятие отношения (правда, не одно, а вместе с понятием сознательной личности, которое, впрочем, само определяется через понятие отношения) объявляется основой, на которой должна строиться вся система науки, «общим принципом психологии» [19, стр. 18, стр. 146].

Итак, мы видим, что психология отношений стремится к централизации всего психологического знания вокруг категории отношения, через которую определяется предмет всей психологии и объяснительный принцип психологического метода. Это доказывает, что психология отношений осуществляет себя как общая психология.

Установить, что теории отношений, установки и деятельности есть общие психологии — это полдела. Необходимо еще ответить на вопрос, почему для синтеза выбраны *т о л ь к о* э т и три концепции? Строго говоря, нужно было бы, отвечая на этот вопрос, проанализировать теоретические представления П. П. Блонского, М. Я. Басова, Б. Г. Ананьева и др., но рамки статьи позволяют коснуться лишь концепции такого выдающегося теоретика, как С. Л. Рубинштейн, имя которого прямо ассоциируется с задачей построения марксистской общей психологии. Почему же и эта концепция не включается нами в синтез как равноправный элемент? С. Л. Рубинштейн создал общую психологию. Но эта общая психология совсем иного рода, чем анализируемые три теории. Лежащее на поверхности (хотя в то же время весьма существенное) отличие общей психологии, созданной С. Л. Рубинштейном, состоит в том, что она не сузила предмет психологии до одной категории. Эта психология по изначальному замыслу, стилю мышления автора и способу построения была с и н т е т и ч е с к о й . Теория С. Л. Рубинштейна, если брать ее в целом, а не в ча-

стностях, не может быть поставлена в ряд с теориями А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева и Д. Н. Узнадзе, но не потому, конечно, что она «слабее» или «сильнее» их, а потому, что она решала совсем другую задачу, работала в другой плоскости. Забегая вперед, скажем, что исторический вклад С. Д. Рубинштейна в систему советской психологии состоит в создании на основе марксистской философии общей онтологии психологической науки, «онтологии человеческого бытия», которая лишь неявно подразумевалась в концепциях установки, отношений и деятельности, а явно была разработана именно в теории С. Л. Рубинштейна.

3

Плодотворный синтез теорий возможен только в том случае, если при их сопоставлении удастся зафиксировать: а) принципиальную общность базовых методологических и онтологических представлений и б) существенные различия их центральных категорий, отражающие различные аспекты реальности. Каждая из разбираемых теорий строилась в постоянном противопоставлении классической буржуазной психологии. Эту последнюю, следовательно, можно признать общей точкой отсчета и подойти к сопоставлению теорий (и категорий) отношения, установки и деятельности через анализ общего и различий в их критике и преодолении классической буржуазной психологии.

Исходный пункт противопоставления теории отношений классической психологии состоит в принципиально различном понимании общих задач психологии как науки. Академизму классики В. Н. Мясищев противопоставил практическую направленность новой психологии: научно-психологический интерес к человеку должен определяться практическими задачами «воспитательно-образовательной работы» с личностью, ее лечения и т. д. [19]. Вполне понятно, что такой подход сразу же потребовал радикального преобразования общей онтологической картины психологической науки. Традиционная психология изучала, по словам В. Н. Мясищева, «субъекта в себе» [19, стр. 82]. Образ же человека, лежащий в основе психологии отношений,— это не рефлектирующий одиночка, а человек трудящийся, человек, живущий среди других людей.

В рамках общей картины действительности наука должна выделить свой предмет, т. е. ответить на вопрос «о чем она?». В противоположность традиционной психологии, которая объявляла своим предметом психику, В. Н. Мясищев определял

свою теорию как «учение о конкретной личности» [19, стр. 71].

Осуществить конкретное исследование всего предмета науки «целиком» невозможно, поэтому необходимо выделить в нем такую доступную непосредственному эмпирическому исследованию «часть», изучение которой вело бы к познанию всего предмета. Эта «часть» в плане метода предстает как «единица анализа», а в онтологическом плане — как центральный предмет исследований. Если общим предметом психологической науки перестает быть психика как самостоятельная сущность и им становится «конкретная личность», то центральным предметом психологических исследований и, соответственно «единицей анализа» перестает быть «абстрактный психический процесс» [19, стр. 34] и становится отношение личности.

В концепции В. Н. Мясищева необходимо различать широкий и узкий смысл понятия отношения. На первых шагах теоретического конструирования для В. Н. Мясищева было важно подчеркнуть понимание отношения именно как «единицы» личности, т. е. подчеркнуть, что отношение — это в первую очередь чье-то отношение, хотя, разумеется, оно всегда остается отношением к чему-то. Это понятие отношения в широком смысле — как отношение личности к действительности вообще [19, стр. 110, 146]. На следующем логическом (а не хронологическом) этапе формирования понятия отношения оно специфицируется под влиянием знаменитого тезиса Маркса о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, стр. 3]. Хотя на уровне методологической рефлексии В. Н. Мясищев нередко соблазнялся предельно широким, неспецифическим для психологии понятием отношения, включая в него все — «от обмена веществ до идейного общения» [19, стр. 212], на уровне конкретно-научной проработки категории отношения ее доминантой становился смысл, заданный формулой Маркса. А именно: если задача состоит в психологическом изучении сущности человека, исследование должно поставить во главу угла не всякое его отношение к действительности, а особое, специфически человеческое «общественное отношение», т. е. отношение к другому человеку, к людям, к различным их группам и общностям. Эти отношения признаются теорией В. Н. Мясищева исходными и формообразующими для всех других отношений: «общественные отношения формируют все иные его

отношения с внешней действительностью» [19, стр. 69]. А раз так, то и в познавательной плоскости они должны быть признаны центральными: «...Изучение человека в его отношениях представляет изучение человека прежде всего (выделено нами.— **Ф. В.**) В его связях с людьми, т. е. преодоление той «робинзонады», которую разоблачили основоположники марксизма» [19, стр. 230] — так заканчивает В. Н. Мясичев одну из своих программных статей.

Итак, академизму классической психологии В. Н. Мясичев противопоставил практическую направленность науки, исходную онтологическому представлению этой психологии о «субъекте в себе» — представление о реальной социальной жизни человека, предмету старой психологии (психике) и «единице» анализа этого предмета (абстрактному психическому процессу) — новый предмет и новую «единицу» (конкретную личность и ее отношение к действительности). Причем главным смыслом, доминантой категории отношения и центральным предметом исследований следует считать отношение человека к человеку.

Д. Н. Узнадзе обнаружил в основании всей классической психологии одну «роковую предпосылку» — «постулат непосредственности». Из работ Д. Н. Узнадзе следует, что этот постулат представляет собой единый корень, из которого вырастают все направления классического психологического мышления. В своем общем значении постулат непосредственности фиксирует тип детерминизма, довлеющий над этим мышлением, а именно — представление о простой и однозначной причинно-следственной связи как универсальной схеме психологического события. Мир делился классической психологией на физические и психические явления. Как «причинная» составляющая психологического события, так и его «следственная» составляющая могли считаться и психическим, и физическим явлением. В зависимости от этого постулат непосредственности получал то или иное особое значение, образуя основу для соответствующего направления классической психологии. Вот типология этих вариантов «постулата непосредственности»:

1. Причина—психическое, следствие — психическое. Первый тип репрезентирует основную проблематику интроспективной психологии, все ее системы, в основе которых лежит убеждение, что причины психических явлений следует «искать не где-нибудь за ними, а в них же самих, полагая, что психические явления обуславливаются

психическими же причинами» [30, стр. 159].

2. Причина — физическое, следствие — психическое. Второй тип задает основную схему классической психофизики.

3. Причина — психическое, следствие — физическое. В третьем типе фиксируются классические представления о психомоторике.

4. Причина — физическое, следствие — физическое. Четвертый тип выражает собой парадигму ортодоксального бихевиоризма и рефлексологии, этих психологий без психики.

Всякое психическое явление непосредственно и однозначно вызывается другим психическим явлением (1 тип) или явлением физическим (2 тип). Всякий эфферентный акт непосредственно и однозначно определяется некоторым психическим явлением (например, желанием) (3 тип) или физическим явлением (внутренним — возбуждением нервных клеток или внешним — стимулом) (4 тип). Таковы четыре варианта «постулата непосредственности».

Во всех этих случаях игнорируется роль субъекта — в этом главный, с точки зрения Д. Н. Узнадзе, порок традиционной психологии [22]. Ее объяснения психики и поведения строились так, будто «...поведение осуществляется помимо существенного соучастия субъекта» [30, стр. 328], а психические процессы являются самодостаточными и самодействующими сущностями. Вследствие этого классическая психология оказалась неспособной адекватно поставить и решить проблемы психического отражения и целесообразной деятельности [30].

Д. Н. Узнадзе противопоставил старой психологии новые онтологические представления, в рамках которых эти проблемы могли быть поставлены и решены. В текстах основателя грузинской психологической школы может быть выявлена последовательная система процедур введения понятия установки, каждая из которых направлена против того или иного варианта «постулата непосредственности». Не излагая здесь всю эту систему, коснемся лишь важнейшей из этих процедур, которая осуществляется с помощью понятий «потребность» и «ситуация». Необходимым и действительным условием возникновения установки, повторял Д. Н. Узнадзе, следует считать единство актуальной потребности субъекта и ситуации ее удовлетворения [30, стр. 157, 168]. Попытаемся реконструировать из этого положения онтологию, лежащую в основе теории установки.

Субъектный полюс онтологии конкретизирован в данном случае понятием «потребность». Но потребность — это всегда потребность в чем-то, она определена не

через самое себя, а через объект. Следовательно, в понятии потребности, хотя оно и является представителем субъектного полюса онтологии, уже имплицирована связь субъектного и объектного полюсов, вне которой это понятие бессмысленно. Точно так же обстоит дело и с понятием ситуации. Хотя ситуация удовлетворения потребности — это нечто объективное, существующее независимо от произвола и воображения субъекта, но собственно ситуация и ей она не может стать вне отношения к живому существу, к субъекту. Ситуация — это бытие для другого, это не само по себе чисто внешнее объективное обстояние, взятое в себе, безотносительно к жизненному состоянию субъекта, но и не это состояние, это единство того и другого. Стало быть, и понятию ситуации внутренне присуща связь субъектного и объектного полюсов.

Но если понятия потребности и ситуации сами лишены односторонности и каждое из них несет идею неразрывной связи субъекта и объекта, то ясно, что понятие установки, возникающей на основе единства потребности и ситуации, выражает эту связь не просто в усиленной степени, а является, по существу, таким понятием, которое указывает уже не на связь между субъектом и объектом, определенными будто бы до и вне этой связи, а на связь, объемлющую субъект и объект, которые только внутри нее и получают определение и выделяются как отдельные моменты. Отсюда следует, что онтологическая суть категории установки состоит не просто в обнаружении опосредующего звена между психическим и физическим мирами, а в создании представления о едином «жизненном мире», сущностно предшествующем своим моментам — субъекту, объекту и их взаимодействию. Таково наиболее абстрактное значение категории установки, конституирующее главную онтологическую идею психологической теории Узнадзе⁵ [27].

Как же определяет эта психология свой предмет? В противоположность традиционной психологии Д. Н. Узнадзе полагает, что к познанию психики можно подойти не прямо, а опосредованно — через изучение человеческой деятельности. Это и есть предмет психологии как науки.

«...Наша наука,— писал Д. Н. Узнадзе,— призвана поставить вопрос о психологическом анализе и изучении закономерностей человеческой деятельности» [22, стр. 128].

В силу того, что главный порок классической психологии Д. Н. Узнадзе видел, как уже говорилось, в том, что она от-

влекалась от самого действующего индивида, от целостного субъекта, основным объектом изучения в рамках общего предмета психологии он избирает субъекта деятельности.

Что же является «единицей» анализа субъекта деятельности и соответственно центральным предметом конкретных исследований? «Установка, понимаемая как модификация целостного субъекта» [30], отражающая в себе конкретное состояние «жизненного мира», возникшее в результате «встречи» потребности и ситуации. Всякий психический и поведенческий акт должен быть объяснен, согласно теории установки, по преимуществу из субъекта, как реализация определенного его состояния или «модуса» — установки, но само это состояние понимается не как внутри самого субъекта и только из него вызревшее субъективное состояние, а как объективное субъектное состояние, детерминированное единством потребности и предмета, ее удовлетворяющего [30, стр. 322].

Таким образом, онтология, которую Д. Н. Узнадзе противопоставил онтологии классической психологии, может быть названа онтологией «жизненного мира». Предметом психологии становится человеческая деятельность, а основным объектом в рамках этого предмета выступает субъект деятельности. «Единица» анализа субъекта деятельности и, соответственно, центральный предмет конкретных исследований — это определенная «модификация целостного субъекта» или установка.

По мысли А. Н. Леонтьева, исходное онтологическое различие классической психологии есть различие явлений внутренних, психических, данных в непосредственном переживании, и явлений внешних, материальных [13, стр. 337]. Психология, начинающаяся с такого различия, «не может стать действительно содержательной и реальной наукой» [13, стр. 338]. Марксистская, материалистическая психология должна исходить, считает А. Н. Леонтьев, из совершенно другой онтологии — включающей «действительного индивида», материальный мир и процесс жизни индивида, практически связывающий его с миром.

Формируя предмет психологической науки в пределах своей онтологии, классическая психология объявляла им либо саму психику, отождествляемую с сознанием и понимаемую как самостоятельная субстанция, либо — в бихевиоральных системах, считавших психику эпифеноменом, — «поведение», мыслившееся механистически. В противоположность этому представлению психология, по определению А. Н. Леонтьева,

⁵ Не случайно «предшественниками» понятия установки при развитии взглядов Д. Н. Узнадзе были понятия «биосфера» и «жизнедеятельность».

ва, есть наука «о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» [14, стр. 12]. Иначе говоря, психика входит в предмет психологии, но не исчерпывает его, ибо она предстает как неотъемлемый элемент некоей системы (жизни), не существующий вне нее. Следовательно, изучать психику невозможно в отрыве от изучения процессов жизни, и психология должна включать их в свой предмет. «Точка зрения психологии,— говорил А. Н. Леонтьев,— есть точка зрения жизни, и психология не смеет ее покидать» [12, стр. 38]. Но процессы жизни — это процессы деятельности. Значит, в соответствии с исходной онтологией в предмет психологии должна быть включена триада «субъект — деятельность — предмет», где субъект предстает как «единица» «действительного индивида», деятельность — как «единица» процесса жизни, а предмет — как «единица» мира. Каким образом деятельность — центральное звено этой триады — входит в предмет психологии? Она входит «не особой своей «частью» или «элементом», а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности» [14, стр. 92].

На уровне формирования «единиц» анализа абстракция от этой реальности приводила в классической психологии к тому, что д е я т е л ь н о с т ь, которую она изучала (а «психология,— замечает А. Н. Леонтьев,— всегда, конечно, изучала деятельность...» [14, стр. 89]), выступала либо в форме фетишизированных, самодействующих психических процессов, когда мышление мыслило, память запоминала и т. д., либо в форме «слепых» реакций, изнутри не просветленных отражением и извне не детерминированных предметами. Соответственно этому с у б ь е к т предстал либо как «самосознание» — в интроспекционизме, либо как «реактивная машина» [14, стр. 23] — в бихевиоризме и рефлексологии. И, наконец, п р е д м е т выступал в старой психологии либо как «стимул» [4], либо вообще изгонялся за пределы психологии, считаясь вещью «протяженной», материальной и потому не имеющей прямого отношения к изучению «непосредственного опыта». («Если я хочу познать ощущение сладости, зачем мне изучать сахар?!» — восклицал психолог-интроспекционист.)

Последняя из этих проблем, не нашедших своего решения в классической психологии,— проблема предметности стала в концепции А. Н. Леонтьева решающей [4; 7] при выработке представлений об «отдельной» деятельности как психологической «единице» анализа и центральном

предмете конкретных исследований. А. Н. Леонтьев совершил чудовищный с точки зрения классической психологии акт: он ввел в психологию реальную вещь, которая получила психологическое гражданство, представ как предмет деятельности субъекта, более того, обретя достоинство главной детерминанты «отдельной» деятельности, ее мотива.

Итак, противопоставляясь классической буржуазной психологии, концепция А. Н. Леонтьева в качестве исходной онтологии использовала схему «жизнь — индивида — в мире», своим предметом она объявила предметную деятельность субъекта, порождающую психическое отражение и опосредствуемую им, в качестве «единицы» анализа и центрального предмета исследований она сформировала представление о структуре «отдельной» деятельности (деятельность — действие — операция; мотив — цель — условия).

4

Даже такого поневоле краткого и упрощенного анализа перехода от классической буржуазной психологии к трем ведущим направлениям современной советской психологии достаточно, чтобы выбрать «масштаб» и структуру сопоставления теорий и категорий деятельности, установки и отношения.

Эти теории делали одно общее дело перестройки психологии на марксистской основе. Каждой из них руководило убеждение, что психология и психолог должны включиться в реальную жизнь общества, в практику производственную, воспитательную, медицинскую и т. д. Такое понимание задач заставило эти психологии повернуться лицом к жизни и рассматривать психику не как над и вне жизни существующую субстанцию, а как реальный момент самой жизни. Старая психология стремилась познать ж и з н ь д у ш и, новая — о д у ш е в л е н н у ю ж и з н ь.

На уровне полагания исходной онтологии три разбираемые концепции при всех терминологических различиях, которые мы здесь не учитываем, едины в убеждении, что психология человека должна исходить из действительных предпосылок, «от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» [1, т. 3, стр. 18]. Преодолевая классическую онтологию «изолированного индивида», все концепции противопоставили ей марксистское учение о деятельности и социальной сущности человека. Однако в рамках к о н к р е т н о - н а у ч н ы х р а з р а б о т о к это преодоление в теории

В. Н. Мясищева шло преимущественно по линии критики «робинзонады», т. е. изолированности индивида от мира людей, а в теориях А. Н. Леонтьева и Д. Н. Узнадзе — преимущественно по линии критики изолированности индивида от предметного мира⁶.

Далее, на уровне формирования предмета психологической науки и В. Н. Мясищев, и Д. Н. Узнадзе, и А. Н. Леонтьев критиковали старую психологию за то, что она рассматривала психику в отрыве от системы «человек — жизнь — мир». Но и в этом пункте была различная акцентировка: В. Н. Мясищев и Д. Н. Узнадзе фокусировали свое внимание на том, что психика рассматривалась классической психологией в отрыве от своего «носителя» — личности, «целостного субъекта», от живущего человека, а А. Н. Леонтьев преимущественно направлял свои усилия на преодоление абстракции психики от человеческой жизни, которая ее порождает, и от мира, который она отражает. Теории отношений и установки пронизаны пафосом возвращения (введения) человека в психологию, теория деятельности — пафосом возвращения (введения) жизни в психологию.

Поэтому основным объектом изучения в психологической системе В. Н. Мясищева стала личность, в психологической системе Д. Н. Узнадзе — субъект деятельности, а в психологической системе А. Н. Леонтьева — деятельность субъекта.

На уровне выбора «единиц» анализа эти различия основного объекта изучения выразились в том, что В. Н. Мясищев и Д. Н. Узнадзе выделили «структурные» едини-

цы (отношение как единица структуры личности, установка как единица структуры целостного субъекта⁷), а А. Н. Леонтьев — «процессуальные» («отдельная» деятельность, действие, операция как единицы процесса деятельности). Другими словами, понятия установки и отношения фиксировали нечто потенциальное («динамическое»), что может реализовываться в процессах жизнедеятельности, а понятие деятельности — нечто актуальное, сам процесс такой реализации.

Эти сходства и различия между теориями и категориями деятельности, установки и отношения позволяют построить следующую категориальную типологию психологических единиц человеческой жизни:

Жизнь человека в мире		Жизнь человека	
Мир	Предметный мир	Человек как динамическая структура	Жизнь как актуальный процесс
		установка 1	деятельность 2
	Мир людей	3 отношение	4

Исходным предметом типологического анализа является «жизнь человека в мире». В нем выделяется два аспекта — «жизнь человека» и «мир». Каждый из них, в свою очередь, делится на два аспекта: «мир» — на «предметный мир» и «мир людей», а «жизнь человека» — на «человека», рассматриваемого как некая потенциально активная, т. е. «динамическая» структура, и «жизнь», рассматриваемая как «актуальный процесс». Пересечение этих оппозиций дифференцирует исходное целое на четыре «состояния». Правило чтения типологии: например, деятельность (тип 2) — это психологическая единица анализа актуального процесса жизни человека, взятого в его отношении к предметному миру.

Из предшествующего анализа ясно, почему 1, 2 и 3 типы обозначены соответственно как установка, деятельность и отношение. Однако остается еще одна свободная клетка этой категориальной типологии. Но логике схемы она должна быть заполнена категорией, выражающей форму осуществления процесса жизни, который реализует отношение человека к другим лю-

⁶ Нужно настойчиво подчеркнуть, что речь идет только об акцентах развития теорий и соответственно о доминантах кристаллизирующихся в них категорий. Признание и научно-психологическое раскрытие социальной сущности человека, его психики и деятельности является существенным и неотторжимым свойством теорий деятельности и установки. Это утверждение не требует специального доказательства. Достаточно вспомнить, что, по А. Н. Леонтьеву, деятельность человека всегда включена в систему отношений общества [14, стр. 82], что предмет ее — всегда человеческий, общественный предмет [13, стр. 364—366], что, по формулировке Д. Н. Узнадзе, «человек живет и действует, т. е. существует, не только для себя, но и для другого; особенно следует остерегаться того, чтобы опять противопоставить «общество», как «абстракцию», «индивиду» [30, стр. 275]. Равным образом В. Н. Мясищев, считая главным «изучение человека прежде всего в его связях с людьми» [19, стр. 230], конечно же, не абстрагировался и от его связей с предметной действительностью, не зря ведь в исследованиях 30-х годов основное внимание он уделял отношению человека к труду.

⁷ В. Н. Мясищев писал, что установка и отношение не представляют собой «в конкретном плане процесса, хотя и могут изменяться» [20, стр. 12].

дам. Вполне очевидно, что в качестве этой категории может выступать лишь одно — категория общения.

5

Преодолевая классическую буржуазную психологию, советская наука создала три общепсихологические теории, центральными категориями которых являются категории установки, отношения и деятельности. Мы обнаружили, что эти теории едины в своем понимании онтологии, из которой должна исходить психологическая наука. В то же время при определении предмета науки, выборе основного объекта изучения и формировании «единицы» его анализа эти теории расходятся, что в итоге выражается в разнице их центральных категорий. Однако анализ показывает, что это расхождение напоминает, образно говоря, не ситуацию «лебедя, рака и щуки», а скорее ситуацию планомерного разделения труда, поскольку обнаруживается, что эти категории связаны и стройную логическую систему, в которой они хотя и противопоставлены друг другу, но противопоставлены не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие.

В этой категориальной системе есть еще один неотъемлемый элемент — категория общения. Следовательно, по логике истории в советской психологической науке должна быть создана и соответствующая теория. Такую задачу нужно было бы поставить, если бы она не была уже поставлена в исследованиях Л. П. Леонтьева [9], придавшего проблеме общения общепсихологический статус, и особенно — В. Ф. Ломова [15], который пошел дальше, наделив категории общения статусом «нового методологического принципа» [2, стр. 90]⁸.

Думается, что указанную задачу можно было поставить и более остро как задачу построения особой общепсихологической теории общения, в которой общение выступило бы не просто как важная среди равных категорий и не просто как один из методологических принципов, а как центральная категория и главный объяснительный принцип⁹. Подобную

«острую» постановку проблемы следовало бы мотивировать не тем, что общение будто бы не может быть рассмотрено с точки зрения схемы предметной деятельности [15; 16], разработанной А. Н. Леонтьевым¹⁰, а стремлением детально проработать саму категорию общения, чтобы проследить до конца все ее потенциальные возможности, стремлением, вытекающим из понимания огромного (хотя, естественно, не безграничного) значения этой категории для общей теории психологии.

Итак, мы убеждены в том, что создание общепсихологической теории (равноранговой теориям отношений, установки и деятельности), которая сделала бы общение центральной категорией и последовательно свела бы к ней все психологические реалии, принципиально возможно и даже желательно.

Но одно дело принципиальная возможность и желательность и совсем другое — фактическая возможность. То реальное историко-научное обстоятельство, что эта теория, во-первых, начала развиваться в ситуации наличия уже вполне развитых общепсихологических концепций и, во-вторых, что она объективно является завершающей сложившуюся парадигму, противодействует ее оформлению в чистом виде. Это противодействие «самой истории» на поверхности научной жизни проявилось в интенсивной дискуссии о месте и значении категории общения в системе психологического знания [2; 6; 10; 15—18; 24]. Нам кажется, что за разногласиями взглядов и формулировок, прозвучавших в дискуссии, начинают вырисовываться контуры общей, единой для всех онтологической схемы, которая соответствует приведенной выше типологии психологических единиц жизни. Эту схему можно представить себе в виде треугольника, одна из вершин которого символизирует индивида (И.), вторая — вещь (В.), третья — другого индивида. Каждого индивида и вещь связывает деятельность (Д.), в рамках которой индивид выступает как субъект (С.), а вещь — как предмет (П.) или объект (О.). Вектор внутри тела деятельности, направленный от субъекта к предмету, символизирует установку (У.). Двух индивидов связывает между собой общение (Об.), в рамках которого они выступают друг по отношению к другу как Ты и Я. Вектор внутри общения, на-

⁸ Речь не о том, что эти авторы первые открыли проблему общения для психологии, а о превращении ее из частной в общепсихологическую (ср. со сноской 1).

⁹ Такая концепция позволила бы (а) ассимилировать огромный пласт исторических и онтогенетических фактов, где вещь выступает в действии и отношении к ней человека как «другой» (которого можно любить и ненавидеть, поклоняться и презирать) [8; 24] и б) теоретически освоить в общепсихологическом контексте достаточно подробно проработанные вне этого контекста (в част-

ности, в психоанализе и аналитической психологии, в транзакционном анализе и теории ролей, в философии и филологии) представления о личности как внутреннем общении, как «полифонии», а не «монологичности» или механической структуре [26, стр. 334].

¹⁰ Такое рассмотрение и возможно, и продуктивно, как показывает прекрасная (но почти незамеченная из-за малого тиража) работа Г. В. Гусева [6].

правленный от Я к Ты, означает отношение (От.).

Эта схема изображает целостную «единицу» жизненного мира человека в дифференцированном виде. Изначально в жизненном мире ребенка все ее элементы слиты в одно нерасчлененное единство. Младенец, кормящийся у груди матери, не отличает себя от акта сосания, от молока, от матери. Но и затем, в жизненном мире взрослого, хотя и происходит реальная дифференциация всех указанных моментов, сохраняется их генетическое и функциональное единство. Поэтому психолог, делая предметом своего исследования индивидуальную ли деятельность субъекта, совместную ли его деятельность с другим человеком (на схеме — связь $(C—П|B|O—C^{11})$) или любой другой фрагмент целостности, должен осознавать, какую именно он при этом производит абстракцию.

Возьмем для примера самый «непсихологический» пункт схемы — полюс вещи. Разумеется, вещь сама по себе не может интересовать психологию, поэтому-то классическая психология, отвлекаясь от всей системы связей, вводящих вещь в человеческое бытие, отказывалась включать ее в психологическую онтологию. Вещь, как она предстает перед психологическим взглядом на реальность, должна браться и как предмет, т. е. в своем отношении к деятельности субъекта, и как объект, т. е. нечто произведенное или хотя бы выделенное из мировой связи для субъекта другим человеком (людьми), словом, как объективация деятельности другого, и как точка схождения совместного действия, и даже как отношение человека к человеку [8]. *«Предмет как бытие для человека, как предметное бытие человека есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку»* [1, т. 2, стр. 47]. Как это понимать? Очень просто. Скажем,

плохо сшитый костюм — это не просто некий вещный продукт работы портного, это «наличное бытие» портного «для другого человека», в котором в предметной форме выражается его «человеческое отношение к другому».

Таким образом, любой фрагмент «жизненного мира», становясь предметом психологического исследования, должен рассматриваться во всей сложной системе опосредований, в результате которой он в действительности выделяется как некая отдельность из целостного «жизненного мира». Любое конкретное экспериментальное исследование должно задавать совокупность условий отвлечения своего предмета от этой целостности, только тогда оно может рассчитывать на сознательное и последовательное выявление реальных закономерностей.

Что касается теоретико-методологических исследований, то целый ряд категорий, представленных в схеме, уже достаточно хорошо проработан в отечественной психологии — это категории субъекта, индивидуальной предметной деятельности, отношения, установки. Теперь же на первый план должна выйти разработка категорий совместной деятельности, «совокупного действия» [8], общения и особенно категории «другого».

6

Подведем итоги. Было показано историческое и логическое единство категорий деятельности, общения, установки и отношения. Эти категории являются производными от единой онтологии «жизни человека в мире», содержащей в себе два аспекта — «жизнь человека» и «мир». Заслуга разработки этих онтологических категорий, образующих фундамент единой марксистской общей психологии, принадлежит С. Л. Рубинштейну [25; 26]. В этом его исторический вклад в систему советской психологии.

Разумеется, предложенная типологическая схема — не более чем историко-психологическая гипотеза. В рамках одной статьи невозможно доказать эту гипотезу. Но главный смысл настоящей работы даже не в таком доказательстве, а в демонстрации того, что поставленная Л. С. Выготским проблема единой общей психологии превратилась сейчас, в 80-х годах, в конкретную теоретическую задачу создания единой категориальной системы, синтезирующей основные идейные достижения марксистской психологической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд.

¹¹ Эта «связка» — одна из множества возможных частных модификаций исходной схемы (ср. с предложенной Б. Ф. Ломовым схемой «субъект — субъект», где средний элемент опущен, а также с выдвинутой Л. А. Радзиховским схемой «субъект — объект — субъект» [24], в которой средний элемент присутствует, но в нерасчлененном виде). Упомянутое множество возможных модификаций создается, во-первых, тем, что в каждом конкретном случае могут рассматриваться не все компоненты исходной схемы, а во-вторых, тем, что структурные места схемы не связаны жестко с наполняющим их содержанием. Скажем, структурное место «вещи» может занять деятельность другого человека или «мое» отношение к другому человеку и т. д. Анализ этого множества — задача особого исследования.

- ² К. А. Абульханова-Славская. Деятельность и психология личности. М., 1980.
- ³ А. Г. Асмолов. Деятельность и установка. М., 1979.
- ⁴ А. Г. Асмолов. Основные принципы психологической теории деятельности. В кн. «А. Н. Леонтьев и современная психология». М., 1983.
- ⁵ Л. С. Выготский. Исторический смысл психологического кризиса. Собр. соч., в 6-ти томах, т. 1. М., 1982.
- ⁶ Г. В. Гусев. Психология общения. М., 1980.
- ⁷ В. В. Давыдов. Учение А. Н. Леонтьева о взаимосвязи деятельности и психического отражения. В кн. «А. Н. Леонтьев и современная психология». М., 1983.
- ⁸ В. П. Зинченко, С. Д. Смирнов. Методологические вопросы психологии. М., 1983.
- ⁹ А. А. Леонтьев. Психология общения. Тарту, 1974.
- ¹⁰ А. А. Леонтьев. Общение как предмет психологического исследования. В кн. «Методологические проблемы социальной психологии». М., 1975.
- ¹¹ А. А. Леонтьев. Деятельность и общение. «Вопросы философии», 1979, № 1.
- ¹² А. А. Леонтьев. Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева. В кн. «А. Н. Леонтьев и современная психология». М., 1983.
- ¹³ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972.
- ¹⁴ А. Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- ¹⁵ Б. Ф. Ломов. Общение как проблема общей психологии. В кн. «Методологические проблемы социальной психологии». М., 1975.
- ¹⁶ Б. Ф. Ломов. Категории общения и деятельности в психологии. «Вопросы философии», 1979, № 8.
- ¹⁷ Б. Ф. Ломов. К проблеме деятельности в психологии. «Психологический журнал», 1981, т. 2, № 5.
- ¹⁸ Б. Ф. Ломов. Задачи психологической науки в свете решений XXVI съезда КПСС и июньского (1983) пленума ЦК КПСС. «Психологический журнал», 1983, т. 4, № 6.
- ¹⁹ В. Н. Мясищев. Личность и неврозы. Л., 1960.
- ²⁰ В. Н. Мясищев. О связи проблем психологии отношения и психологии установки. В кн. «Понятия установки и отношения в медицинской психологии». Тбилиси, 1970.
- ²¹ А. В. Петровский. История советской психологии. М., 1967.
- ²² А. С. Прангишвили. Общепсихологическая теория установки. В кн. «Психологическая наука в СССР», т. 2, М., 1960.
- ²³ «Проблема общения в психологии». М., 1981.
- ²⁴ Л. А. Радзиховский. Проблема субъекта и объекта в психологической теории деятельности. «Вопросы философии», 1982, № 9.
- ²⁵ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946.
- ²⁶ С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М., 1976.
- ²⁷ Н. И. Сарджвеладзе. Бессознательное и понятие установки в концепции Д. Н. Узнадзе. «Вопросы психологии», 1985, № 4.
- ²⁸ Обсуждение докладов по проблеме установки на совещании по психологии (1—6 июля 1955 г.). «Вопросы психологии», 1955, № 6.
- ²⁹ А. Н. Ткаченко. Взаимосвязь объяснительных принципов психологической науки. «Вопросы психологии», 1977, № 4.
- ³⁰ Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966.
- ³¹ А. Е. Шеролия. Психика. Сознание. Бессознательное. К обобщенной теории психологии. Тбилиси, 1979.
- ³² Э. Г. Юдин. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- ³³ М. Г. Ярошевский. История психологии. М., 1985.
- ³⁴ М. Г. Ярошевский, Г. С. Гургенидзе. Послесловие. В кн. «Л. С. Выготский». Собр. соч., в 6-ти томах, т. 1. М., 1982.